

The Italian "heart" on the "new" Belarusian land

Keywords: Italian literature, upbringing novel, moral and psychological formation, patriotism, universal values.

In the article, using the example of the novel "The Heart" of the Italian writer of the second half of the 19th century Edmondo de Amicis, the characteristic features of such a literary genre as an upbringing novel, as well as its place, role and functions in the formation of personality are illustrated. Also there is noted the significance of this literary work in the upbringing of the young generation with the aim of instilling universal human moral and ethical values.

Т.Н. Чурляева

Новосибирский государственный технический университет
e-mail: churlaeva@ngs.ru

УДК 82-95

КУЛЬТУРРЕГЕРСТВО Е. ЗАМЯТИНА КАК ЦЕННОСТНЫЙ ПРИНЦИП ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: Е. Замятин, литературно-критическая и публицистическая деятельность, пролетарское искусство, новый читатель, роль писателя, нравственно-эстетический потенциал.

В статье раскрывается понимание Е. Замятиным общественной роли писателя в условиях нарождающейся пролетарской культуры; уделяется внимание литературно-критической и публицистической деятельности писателя, направленной на критический анализ состояния нового искусства и литературы; обосновывается нравственно-эстетическая позиция Е. Замятина, относительно «организующей роли искусства».

Е. Замятин – одна из крупнейших фигур в русской литературе первой четверти XX века, принадлежал «к тому поколению интеллигенции, которое было выдвинуто русским культурным Ренессансом начала XX в.» [15, 10]. «Его представители, – отмечает Е.Б. Скороспелова, – ощущали в себе подлинное призвание к устройению жизни» [15, 10], откликаясь на социальные и идеологические проблемы своего времени, разрабатывали и утверждали культурно-нравственную идею, понимаемую ими как вечную основу человеческого бытия.

Масштаб творческой деятельности Е. Замятина в революционной России и во время становления власти победившего пролетариата был поистине огромен. Он измеряется не только глубиной и самобытным талантом его литературно-художественной мысли, но и социально-творческой активностью литературно-критической и публицистической работы, суть которой виделась самим Е. Замятиным в том, чтобы «в меру своих сил <...> сохранить в людях тревожной пламя воображения» [10, 259].

В чем была его вера и каковы были его общественные взгляды? Ответы на эти вопросы можно попытаться найти, воспользовавшись творческим методом самого Е. Замятина – неистового романтика и еретика, создававшего не столько «литературные портреты» людей, по его словам, «запертых в стальном снаряде», вынужденных в «эти предсмертные секунды-годы <...> что-то делать, устраиваться и жить в несущемся снаряде» [4, 13–14], сколько «биографию духа» близких ему по убеждениям и человеческим качествам членов одного ордена, братьев по духу, идущих по пути наибольшего сопротивления до самого конца.

Сам Замятин по собственному признанию стал большевиком, потому что «В те годы быть большевиком – значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком» [3, 4]. Революция осознавалась им событием, сдвинувшим время, взорвавшим прежнее состояние жизни, что неминуемо требовало новых моделей культурного мышления, отражением которых должен стать новый язык художественных форм и элементов. Замятин был убежден, что искусство, построенное на «классовой ненависти», не может дать ничего, кроме «механического равенства» и «животного довольства». Писатель, горячо отстаивая роль литературы в воспитании «высоких чувств» [7, 116], был уверен, что «На отрицательных чувствах нельзя строить», «с уничтожением классов» наступает «время огромного подъема высочайших человеческих эмоций, время любви» [7, 116].

В своей автобиографии, написанной в 1928 году, Е. Замятин признался, «что если бы в 1917 году не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил с Россией – больше не мог бы писать <...>» [2, 28]. Писатель, несмотря на усиливающиеся гонения со стороны пролетарского и левого

искусства, деятели которых третировали и оттесняли художественную творческую элиту, ясно осознавал необходимость своего личного участия в построении новой культурной жизни в новых условиях, стремился быть полезным становящейся Советской Республики.

Размышляя о состоянии современной литературы, Замятин, по сути, создает программу ее развития: «Нужны писатели, которые ничего не боятся – так же, как ничего не боится революция; нужны писатели, которые не ищут сегодняшней выгоды – так же, как не ищет этого революция (недаром же она учит нас жертвовать всем, даже жизнью – ради счастья будущих поколений – в этом ее этика); нужны писатели, в которых революция родит настоящее органическое эхо <...> важно, чтобы это было искренно, важно, чтобы это вело читателей вперед, а не назад, важно, чтобы это их беспокоило, а не успокаивало» [7, 117]. Замятин критикует любую идеологическую мертвечину, насаждаемую пролетарским искусством с его нормативно-номенклатурными ценностными установками, но в своем отрицании – он стремится к абсолюту. И в этом видится суть его духовного максимализма. Общественная роль писателя-художника формулируется им предельно ясно: «<...> вся литература всегда о завтра и во имя завтра, и этим определяется отношение к вчера, к сегодня. И от этого она всегда – ересь, бунт» [4, 15]. Замятин убежден, что писатель-художник должен быть «пророком», дело которого – «дело борьбы за завтра. <...> Никакое сегодня его не удовлетворит и не должно удовлетворять <...> Удовлетвориться каким-то сегодня – значит остановиться, обратиться в соляной столб. Это – конец» [13, 389-390]. В этом страстном еретическом бунте Замятина против настоящего, построенного «на отрицательных чувствах», «ненависти к человеку», явственно слышится предостережение: «Зародыш будущего всегда в настоящем» [7, 116]. Писатель предупреждает настоящее, заглянув в прошлое, и вместе с тем задает обязательные условия для изменения будущего: «когда мы вместо ненависти к человеку поставим любовь к человеку, – придет настоящая литература» [7, 116].

В высказанных Замятиным суждениях, на наш взгляд, улавливается очевидная связь с некоторыми мировоззренческими установками, разработанными идеологами «Скифов» (1917–1918), а также Петербургской Вольной философской ассоциацией (1919–1924) – Ивановым-Разумником, А. Белым, А. Блоком. Отстаиваемые Замятиным культурные ценности, отвечали духу жизнотворческой философии Вольфины, наследовавшей некоторые идеи скифов, а именно – устремленность к духовной революции, которая виделась в качестве единственно возможного результата, оправдывающего жертвенность пути: «Она <...> приведет к освобождению человека на всех путях его духовного творчества и к новому воплощению достижений этого освобожденного творчества, – к новой культуре» [1, 52]. В манифесте для так и не изданного журнала «Завтра», Замятин призывал «на защиту человека и человечности» русскую творческую интеллигенцию: «Наше обращение <...> к тем, кто видит далекое завтра, – и во имя завтра, во имя человека – судит сегодня» [6, 115].

Романтик Замятин, последователь Вольфины, настаивал на том, что в атеистическом времени новой России складывается новая антропоцентрическая религия, центром которой должен стать вставший «с четверенек» и умеющий «смотреть вверх, в бесконечность» человек прямоходящий – «homo erectus» [5, 27]. «<...> Все элементы религии налицо, – провозглашает Е. Замятин, – есть даже и бог: этот бог – человек <...>» [13, 390]. К тем, «кто еще на четвереньках, кто еще роется пяточком в земле» [5, 27] Замятин беспощаден, для них он приготовил кнуты, но не «сплетенных из ремней», а «сплетенных из слов» [5, 27]. Он уверен, «чтобы человек перестал стоять на коленях перед чем и перед кем бы то ни было», ему нужны кнуты «Гоголей, Свифтов, Мольеров, Франсов», кнуты «иронии, сарказма, сатиры» [5, 27].

Цель искусства и литературы видится Замятиным не «в отражении жизни», а в том, чтобы «организовывать ее, строить ее» [7, 119]. Литература не должна ограничиваться «областью “малых дел”» [7, 118]. «Организирующая роль искусства», с точки зрения Е. Замятина, «в том, чтобы заразить, взволновать читателя пафосом или иронией: это катод и анод в литературе <...> художник должен говорить <...> о цели – о великой цели, к которой идет человечество» [7, 119].

Е. Замятин, пропагандируя идею воспитания современным искусством кино, театра, литературы «высоких эмоций», «тревожного пламя воображения» [10,159], фактически, разрабатывал нравственно-эстетическую проблематику, понимаемую им как основу человеческого бытия. Замятин с предельной ясностью осознавал органическую близость этих категорий.

Замятин с восхищением говорит о «белой любви» Сологуба и Блока, которые из истинного человеколюбия сатирически беспощадно клеймят в человеке то, что лишает его поэзии; когда Мечта о Прекрасной Даме, называемой Блоком Незнакомкой, а Сологубом – Дульцинеей, подменяется мещанством, пошлой прозой жизни, «аппетитно позевывающей за ужином, в папилютках и в капоте» [5, 25]. Замятин, критически взглядываясь в нового, рожденного огненной стихией революции человека, с горечью замечает в нем неистребимые, как «плесень», сохранившиеся остатки мещанина: «Одно мгновение казалось, что он дотла сожжен революцией, но вот он уже снова, ухмы-

ляясь, вылезает из-под теплого еще пепла – трусливый, ограниченный, тупой, самоуверенный, всезнающий» [5, 28]. В статье «Завтра» (1919) он пишет, что «в человеке – побеждает зверь. Возвращается дикое средневековье, стремительно падает ценность человеческой жизни» [6, 115]. Романтик, но и еретик, Замятин уверен, что только такой белой «ненавидящей любовью» можно вернуть человеку Мечту, тогда как «полюбить их черненькими или серенькими – куда практичней, проще, удобней, благоразумней» [5, 25]. Этой «русской», «неизлечимо прекрасной болезнью», – заявляет Е. Замятин, – «больна лучшая часть нашей интеллигенции <...> и будет больна как бы ее ни лечили» [5, 28].

Ситуация времени «течения революции» требовала сближения форм литературы с формами быта, требовала от литературы, как считал Е. Замятин, сложных соединений «твердого» и «газообразного», «фантастики и быта» [5, 28]. Этот синтез несоединимого был обнаружен им в прозе Гоголя, Достоевского, Сологуба и перенесен в качестве формо- и смыслообразующего принципа на литературу новой действительности как наиболее точно отражающий ее взрывной характер [5]. Вздыбившийся жизненный материал не нужно было придумывать, он нуждался в адекватном способе выражения, видевшимся Замятиным в сложной динамике формы и материала, сюжета и фабулы. «Произведения, – писал он, – не должны уступать жизни, не должны быть беднее ее» [12, 333].

Однако, с точки зрения Замятина-критика, в том состоянии, в каком пребывало современное искусство, оно не в состоянии было «заставить зрителя “работать”». «Остается, – считает он, – единственный путь: <...> влить, сколько можно, витаминов содержания, идей, которые вывели бы из состояния покоя, заставили бы работать если не фантазию, то хоть мозги зрителя» [10, 259]. Замятин, трезво оценивая потенциал пролетарского искусства, агрессивно утверждающего сугубо утилитарно-прагматические ценности нового времени, с горечью замечал в 1924 году в статье «О сегодняшнем и современном», что «сегодняшней» литературе не хватает «Правды». Замятин ставит точный диагноз «неистовым ревнителям чистоты» пролетарской литературы: «литература не выполняет сейчас даже самой примитивной, заданной ей историей, задачи: увидеть нашу удивительную, неповторимую эпоху – со всем, что в ней есть отвратительного и прекрасного, записать эту эпоху такой, как есть» [8, 140].

Однако, стоит отметить, что в интеллектуальном и душевном потенциале современного читателя Е. Замятин не сомневается, он уверен, что работа по «вспашке» «неоплодотворенной», «незапаханной земли» «под силу только народу» [11, 313], и его необходимо в этой работе поддержать.

Осознание Е. Замятиным роли художественной литературы в формировании эстетического чувства в полуграмотном и неискушенном читателе первых послереволюционных десятилетий исходило из понимания энергии художественного слова, способного стать «бродилком жизни». Одними из художественных средств прямого воздействия на читателя, как было уже сказано, являлись, по мысли Замятина, фабула и сюжет, искусное построение которых должно отвечать одной из ключевых задач художественного текста – «вывести (читателя. – Т.Ч.) <...> из состояния покоя» [10, 259]. «Писателю нынешнего дня – на фабулу придется обратить особое внимание <...> Новый читатель, более примитивный, несомненно, будет куда больше нуждаться в интересной фабуле» [12, 332-333], – писал Замятин. Роль же сюжета заключается в создании «сгущенности» повествования, его словесной плотности, насыщения фабулы узнаваемыми образами, известными лейтмотивами, символами и конфликтами. При этом, предупреждает Замятин, в сюжетно-фабульной композиции не должно быть «ни одной второстепенной детали, ни одной лишней черты: только суть, экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую долю секунды, когда собраны в фокус, спрессованы, заострены все чувства. Сегодняшний читатель и зритель сумеет договорить картину, дорисовать слова – и им самим договоренное, дорисованное – будет врезано в него неизмеримо прочнее, встет в него органически. Здесь – путь к совместному творчеству художника и читателя или зрителя» [9, 195].

По мысли Замятина, в читательском сознании необходимо запустить механизмы, способствующие творческому переосмыслению вплетенных в художественную структуру текста узнаваемых литературных образов и сюжетов, уяснению художественного содержания в совокупности сюжетно-фабульного его выражения, распознаванию смысла художественного высказывания, выражаемого в подтексте. Другими словами, новый читатель должен быть субъектом рецептивно-эстетической деятельности, наравне с креативно-творческой деятельностью автора.

Таким образом, можно сказать, что, Е. Замятин в своих культуртрегерских устремлениях формировал иные ценностные установки для формирования эстетического вкуса и в целом нравственно-эстетической деятельности нового читателя. Тем самым писатель стремился повлиять на концепцию пролетарской культуры, видящей искусство лишь средством «принудительного отлучения от многообразия художественного опыта» [14, 93], демонстрировал другого рода отношение доверия к русскому человеку. Суть этого отношения раскрывается в попытке утверждения его самобытной ценности, но не через выполнение или воплощение в нем каких-либо ценностей утилитарно-практического идеала *homo soveticus*, а в попытке развязать внутри него самого потен-

циально присущие ему самому силы, «запускающие» механизмы личностного развития, стимулирующие в нем духовную работу, раскрепощающие его душевную и интеллектуальную энергию.

Литература

1. Вольфила // Жизнь. 1922. № 1. С. 174. Цит. по: Семенова, С.Г. Основные философские объединения. Высылка мыслителей / С.Г. Семенова // Философский контекст русской литературы 1920-1930-х годов. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 50-78.
2. Замятин, Е.И. Автобиография / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Уездное / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. Вступ. ст. Ст.С. Никоненко. – М.: Русская книга, 2003. – С. 21-28.
3. Замятин, Е.И. Автобиография / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. Ст.С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – М.: Русская книга, 2004. – С. 3-12.
4. Замятин, Е.И. Воспоминания о Блоке / Е.И. Замятин. Там же. – С. 13-23.
5. Замятин, Е.И. Белая любовь / Е.И. Замятин. Там же. – С. 24-29.
6. Замятин, Е.И. Завтра / Е.И. Замятин. Там же. – С. 114-115.
7. Замятин, Е.И. Цель / Е.И. Замятин. Там же. – С. 116-119.
8. Замятин, Е.И. О сегодняшнем и о современном / Е.И. Замятин. Там же. – С. 140-153.
9. Замятин, Е.И. Закулисы / Е.И. Замятин. Там же. – С. 187-204.
10. Замятин, Е.И. Кино / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Беседы еретика / Сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. – М.: Дмитрий Сечин, Республика, 2010. – С. 259.
11. Замятин, Е.И. Беседы еретика. О червях / Е.И. Замятин. Там же. – С. 312-314.
12. Замятин, Е.И. О сюжете и фабуле. О фабуле / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Трудное мастерство / Сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. – М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2011. – С. 327-333.
13. Замятин, Е.И. Художник и общественность / Е.И. Замятин. Там же. – С. 389-390.
14. Зенкин С. Священно ли завещанное? Полемиические заметки об одной эстетической традиции / С. Зенкин // Литературное обозрение. – 1989. – № 7. – С. 89-95.
15. Скорospelова, Е.Б. Возвращение / Е.Б. Скорospelова // Е.И. Замятин: pro et contra, антология / Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. статья Е.Б. Скорospelовой. – СПб.: РХГА, 2014. – С. 10-22.

T.N. Churlyaeva

Novosibirsk State Technical University

e-mail: churlaeva@ngs.ru

Cultural cooperation of E. Zamyatin as a value principle of creative activity

Key words: E. Zamyatin, literary, critical and journalistic activity, proletarian art, new reader, the role of a writer, moral and aesthetic potential.

The article reveals E. Zamyatin's understanding of the social role of the writer in the context of the emerging proletarian culture; attention is paid to the literary, critical and journalistic activities of the writer, aimed at a critical analysis of the state of new art and literature; substantiates the moral and aesthetic position of E. Zamyatin, regarding the "organizing role of art."

В.В. Шадурский

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

e-mail: shadvlad@mail.ru

УДК 821.161.1(1-87)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПИСАТЕЛЯ МАРКА АЛДАНОВА

Ключевые слова: Марк Алданов, эмиграция, этические ценности, мировидение, Достоевский, Толстой.

В статье показывается, как рецепция русской классической литературы XIX века помогла Алданову лучше выразить его аксиологию и мировидение в жанре романа. Содержание романов Алданова соответствовало экзистенциальным запросам современников-эмигрантов, переживших исторические катастрофы и оказавшихся без веры.

Алданов создал эклектичный, оригинальный стиль – для изображения исторических и вымышленных персонажей, их идей, поступков. Этот стиль позволил объединить приемы Достоевского и Толстого. Алданов преобразовал традиции русской классики, чтобы расположить к себе массового читателя.

М.А. Алданова (1886–1957) называют не только «одним из самых эрудированных писателей первой волны эмиграции», но и человеком, «способствовавшим интеллектуализации искусства 1920–1950-х гг.» [7, 440]. Очевидно, что химик, публицист, литературный критик, романист, чьи произведения переведены на более чем 20 иностранных языков, который много раз выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, ценен не только своим литературным престижем у эмигрантов.

Важно понять, чем же было наполнено его творчество, если сам Алданов стал очень авторитетной фигурой в литературе. По нашим наблюдениям, ценностные ориентиры писателя определены несколькими важными обстоятельствами.